

Адвокат Франсин Дей и подумать не могла, что влюбится в собственного клиента. Мартин обратился к ней с целью максимально выгодно развестись с женой Донной. Бракоразводное дело перерастает в роман. Но однажды Франсин видит, как Мартин мило ужинает с Донной в ресторане... На следующее утро Франсин просыпается в квартире соседа Пита, в одежде, перепачканной кровью. Она ничего не помнит о прошедшей ночи! И тут выясняется, что Донна пропала без вести. Тогда в игру вступает Пит... Он угрожает рассказать полиции подробности той странной ночи. Хватит ли сил Франсин, чтобы выбраться из этого лабиринта лжи?

Блестящая история. Героиня вызывает восхищение.

Wall Street Journal

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5780-1

9 786171 257801

ДЖ. Л. БАТЛЕР

ОБЛАДАНИЕ

ОБЛАДАНИЕ

Он хочет, чтобы
его жена исчезла...

ДЖ. Л. БАТЛЕР

ДЖ. Л. БАТЛЕР

MINE

JL BUTLER

A NOVEL

HarperCollins*Publishers*

ОБЛАДАНИЕ

Дж. Л. Батлер

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б28

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Butler JL. Mine : A Novel / JL Butler. — London :
HarperCollinsPublishers, 2018. — 432 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайн обложки *агентства «Тим+»*

ISBN 978-617-12-5780-1
ISBN 978-0-00-826241-9 (англ.)

© JL Butler, 2018
© Nemiо Ltd, издание на русском
языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейно-
го Досуга», перевод и художе-
ственное оформление, 2018

Джей Пи посвящается

Он хочет, чтобы его жена исчезла. И ты хочешь того же...

Пролог

Я мало что помню о той ночи, когда должна была умереть. Забавно, как мозг блокирует те воспоминания, которые не хочет хранить: вам, наверное, это известно. Но стоит мне закрыть глаза, как я слышу звуки той майской ночи. Завывание необычайно холодного ветра, дребезжание оконного стекла в спальне и шорох набегающих на галечный берег волн вдалеке.

Да, еще тогда шел дождь. Это я помню совершенно отчетливо, поскольку слышала, как капли барабнят по стеклу: гипнотически, едва не погружая в транс. На мгновение этот шум скрыл звук его шагов снаружи. «Тук-тук-тук», — стучали его каблуки по каменным плитам, приближаясь медленно и размеренно.

Я знала, что он идет, и знала, что должна делать.

Лежа на железной кровати под пуховым одеялом, я приказала себе успокоиться. В комнату проникал слабый отблеск света от гирлянды голых лампочек, протянутой вдоль прибрежной тропинки. Обычно подобная призрачная темнота вселяла в меня покой, но сегодня я лишь острее ощущала собственное одиночество, словно бездумно и бесцельно парила в пространстве.

Я сжала руку в кулак, молясь о том, чтобы в окно заглянули первые робкие лучи нарождающегося нового дня. Но даже не глядя на часы, я знала, что до него еще четыре или пять часов, и понимала, что тогда будет слишком поздно. Шаги звучали уже возле самого дома, и легкий металлический скрежет ключа, проворачиваемого в замке, эхом разнесся по лестнице. Скрыть подобные звуки в большом и обветшалом здании нелегко, для этого оно было слишком старым и ветхим...

Как же я позволила себе впутаться во все это? Я отправилась в Лондон за лучшей жизнью, в надежде на дальнейшее самосовершенствование и встречи с интересными людьми. Чтобы влюбиться, в конце концов. И вот чем все завершилось: поучительной историей. Поучительной для других.

Я услышала, как скрипнула входная дверь. Из трещин в оконной раме потянуло сквозняком, и у меня заложило нос. Стало холодно, как в покойнице; весьма уместное злое сравнение. Я даже лежала, как мумия, вытянув руки по швам, засунув дрожжащие пальцы под бедра, тяжелые и неподвижные, словно балласт, приковавший меня к кровати.

Когда шаги зазвучали на верхней площадке лестницы, я вытащила руки из тепла и положила их поверх прохладного пододеяльника. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но, по крайней мере, я была готова драться. Полагаю, это во мне заговорил законник.

Перед дверью спальни он приостановился в нерешительности, и это мгновение словно бы сжалось в холодную напряженную тишину. Да, прийти сюда — явно не самая удачная идея. Закрыв глаза, я усилием воли приказала себе не плакать. Ни одна слезинка не должна скатиться у меня по щеке.

Мягкий шорох дерева по ковру — это отворилась дверь. Инстинкт самосохранения во весь голос завопил, что надо вскочить с постели и бежать без оглядки, но я должна была остаться и посмотреть, сможет ли он осуществить то, что задумал. Сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди, а руки и ноги, наоборот, окаменели от страха и стали словно чужими. Я по-прежнему не открывала глаз, но чувствовала, как он навис надо мной, и мое тело съежилось в его злое тени. Я даже слышала его дыхание.

И тут его рука накрыла мой рот, так что мои пересохшие, крепко сжатые губы ощутили ее холодное прикосновение. Глаза мои распахнулись, и его лицо оказалась всего в нескольких дюймах от моего. Я отчаянно пыталась прочесть его выражение и понять, о чем он думает. Я заставила себя разжать губы, уже готовая закричать изо всех сил, но все-таки стала ждать, чтобы события шли своим чередом.

Глава первая

Три месяца назад

Я не пробывала в своей конторе и пяти минут, когда поняла, что в дверях моего кабинета кто-то стоит.

— А ну-ка, надевай пальто обратно. Мы идем обедать, — произнес голос, который я узнала, даже не поднимая головы.

Я продолжала писать, стараясь сосредоточиться на том, как по бумаге скрипит авторучка, казавшаяся ужасно старомодной в цифровую эпоху. Втайне я надеялась, что он развернется и уйдет.

— Давай-давай, пошевеливайся, — сказал он, требуя моего внимания.

Я посмотрела на старшего клерка и криво улыбнулась.

— Пол, я только что вернулась из здания суда. У меня полно работы, мне надо распечатать постановления... — сказала я, доставая бумаги из папки с делом. Отметив про себя, что в одном месте кожа переплета порвалась, я сделала себе мысленную пометку заклеить ее.

— Приглашаю тебя на обед в «Перо и парик», — заявил в ответ он, снимая с вешалки мое черное пальто и подавая его так, что мне осталось только просунуть руки в рукава.

Я заколебалась, но потом смирилась с неизбежным. Пол Джонс был стихийным бедствием, и не подчиниться ему представлялось решительно невозможным.

— По какому случаю? — осведомилась я, глядя на него с таким видом, словно приглашение на обед было чем-то экстраординарным. Хотя, честно говоря, таким оно и являлось, учитывая, что в последние полгода я обычно ограничивалась бутербродом за рабочим столом.

— У «Мишона» появился новый партнер. Я решил, что вам пора познакомиться.

— Я его знаю?

— Она только что переехала из Манчестера. Но вы поладите.

— Обхаживаешь клиентов-северян. — Я улыбнулась, шутиливо преувеличив местный акцент.

Я подхватила свою сумочку, и, выйдя из моего кабинета, мы спустились по длинной лестнице в самое нутро адвокатской конторы. Сейчас здесь царила мертвая тишина, словно в городе-призраке, хотя в такое время — в самом начале второго — в этом

не было ничего необычного. У клерков наступил обеденный перерыв, телефоны притихли, а барристеры¹ все еще пребывали в судах или как раз возвращались оттуда.

Когда мы вышли на улицу, резкий и холодный февральский ветер отхлестал меня по щекам, и у меня сразу же перехватило дыхание. Хотя не исключено, что виной всему был весь комплекс Миддл-Темпл, по-прежнему очаровывавший меня, несмотря на то что я проработала здесь пятнадцать лет. Сегодня он выглядел особенно мрачно и сурово. Зажатый между рекой и Флит-стрит, Миддл-Темпл, один из четырех судебных иннов² — корпораций и школ подготовки барристеров, — представлял собой запутанный лабиринт клуатров и памятников архитектуры. Кусочек Лондона, застывший во времени, один из немногих уголков столицы, который по ночам все еще освещался газовыми фонарями, и такой сырой и пасмурный день, как сегодня, подходил ему как нельзя лучше.

Я сунула руки в карманы, и мы зашагали к пабу.

— Хороший выдался денек?

На жаргоне Пола это означало: «Ты выиграла?»

Пол обязательно должен был знать, насколько успешно мы вели свои дела. Собственно, наш старший клерк мне очень нравился, от него всегда можно было ожидать поддержки — сродни отцовской, хотя я ни на миг не позволяла себе поверить в то, что его забота носила исключительно альтруистический характер. Получить работу любой барристер мог только по направлению или личной рекомендации, и Пол, в качестве старшего клерка жонглировавший всей системой, получал свой процент со всех гонораров, которые нам доставались.

— Сегодня после обеда у тебя назначено кое-что интересное, не так ли? — поинтересовался он.

---

¹ В Великобритании и странах Содружества существуют две категории адвокатов — барристеры и солиситоры. Солиситоры, адвокаты низшего ранга, ведут подготовку дел для барристеров, выступающих в судах высшей инстанции. Героиня этой книги является барристером и для ведения дел своих клиентов прибегает к помощи солиситоров. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Все барристеры Великобритании входят в одну из четырех юридических корпораций, или судебных иннов: Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Темпл либо Иннер-Темпл.

— Предварительная встреча с солиситором и клиентом. Денежный развод.

— Насколько денежный? Или ты еще сама не знаешь?

— Ну, не такой, как у Пола Маккартни, — улыбнулась я. — Но достаточно крупный.

Старший клерк пожал плечами.

— Стыд и позор. Нам бы не помешали несколько дел, о которых кричали бы все газеты. Тем не менее отличная работа, мисс Дей. Разводами такого масштаба обычно занимаются королевские адвокаты, но тут солиситор затребовал именно тебя.

— Это Дейв Гилберт. На Рождество я послала ему бутылку превосходного виски, и потому он добр ко мне весь год.

— Пожалуй, он знает, что ты лучший адвокат в Лондоне в плане «цена-качество». Я бы и сам постучался к тебе в дверь, если бы моя супружница сбежала с миллионером, сколотившим состояние на торговле металлоломом, — подмигнул он.

«Перо и парик», типичный паб Темпла, кормивший и поивший барристеров еще с викторианских времен, располагался всего в нескольких минутах ходьбы от нашей конторы. Я с благодарностью подставила лицо теплому порыву воздуха, окунаясь в уютную атмосферу помещения, обшитого деревянными панелями.

Но уже в следующую минуту я недоуменно нахмурилась, узнав группу своих коллег, сгрудившихся в приподнятой нише в дальнем конце бара. Было непривычно видеть их сразу в таком количестве, да еще в одном месте, если они не собрались в конторе, чтобы выпить за счет клиента.

— Что происходит?

— С днем рождения! — Пол широкой улыбкой приветствовал Чарльза Напьера, главу нашей конторы, который повернулся и помахал нам рукой поверх голов двух невысоких и симпатичных практиканток.

— Значит, мы не встречаемся с солиситором? — поинтересовалась я, испытывая неловкость и даже смятение.

Хотя сама суть моей работы требовала выступлений в суде, я ненавидела оказываться в центре внимания. Кроме того, я рассчитывала утаить тот факт, что сегодня мне исполняется тридцать семь, причем не в последнюю очередь оттого, что на всех парах мчалась к сорокалетию.

— Только не сегодня, — во весь рот улыбнулся он, проводя меня по пабу.

— Черт возьми! Вот это сборище, — прошептала я, зная, как трудно обычно бывает собрать столько моих коллег в одном месте.

— Не бери в голову. Ходят слухи, что старина Чарли попал в окончательный список кандидатов в члены Высокого суда. Как мне представляется, по такому случаю он пребывает в радужном настроении, отчего пообещал угостить шампанским всех, кто придет на торжество.

— И тут явилась я, думая, что он действительно решил поднять бокал за меня.

— Что ты пьешь, именинница? — обратился ко мне с вопросом Пол.

— Содовую с лаймом! — крикнула я ему, когда он направился к бару, предоставив мне возможность присоединиться к Вивьен Мак-Кензи, одной из самых опытных и уважаемых барристеров в Бургесс-корте.

— С днем рождения, Фран, — сказала Вив, дружески обнимая меня.

— Полагаю, что я уже в том возрасте, когда можно притворяться, будто это самый обычный день, — отшутилась я, снимая пальто и перебрасывая его через спинку стула.

— Вздор, — проронила в ответ Вив. — Я старше тебя на два десятка лет, но до сих пор ношусь с идеей начать все сначала — вроде того, как мы даем себе обещания начать новую жизнь на Новый год, только без избитых клише и страха потерпеть неудачу уже к Крещению. И так... Тебе известно, что за день у нас будет завтра? — продолжала она, явно намекая на свою причастность.

— День после моего дня рождения?

— Будет опубликован список королевских адвокатов. А это значит... — Она сделала многозначительную паузу.

— Исполнение чьей-то главной мечты. — Я улыбнулась.

— Это значит, что начнется подача заявок для желающих попасть в список королевских адвокатов на следующий год, — драматическим шепотом сообщила она.

Я знала, что будет дальше. Надеюсь избежать предстоящего разговора, я с деланной небрежностью принялась обозревать паб.

— Ты не думала о том, чтобы подать заявление? — не отставала Вив.

— Нет, — отрезала я с решимостью, в которой не хотела признаваться даже себе.

— А ты ведь уже не слишком молода. Надеюсь, это для тебя не новость?

Я окинула ее циничным взглядом.

— Именно эти слова любая женщина просто мечтает услышать в свой день рождения.

— Это был комплимент.

Вив внимательно рассматривала меня. Этот ее взгляд был мне знаком: ноздри слегка раздуваются, брови чуть приподняты, а серые глаза смотрят в упор, не мигая. У нее была лучшая внешность для нашего дела, и она использовала ее на полную катушку. Помню, когда она была моим наставником, я наблюдала за ее поведением в суде, а потом практиковалась дома перед зеркалом.

— Ты находишься в самом верху списка тех, кто пока что не удостоился шелковой мантии, — с чувством заговорила она вновь. — Солиситеры тебя обожают. Я не задумываясь могу назвать дюжину судей, которые дадут тебе прекрасные рекомендации. Тебе просто нужно начать верить в себя.

— Я сомневаюсь, что сейчас подходящее время для того, чтобы подать заявление.

— Держи свое вино и содовую, — подмигнул мне Пол, стараясь не уронить два бокала, бутылку «Пино Гриджо» и небольшую баночку «Швепса».

— Как ты узнал, что у меня сегодня день рождения? — улыбнулась я, забирая у него бокалы.

— Я взял себе за правило знать обо всем, что происходит в Бургесс-корте. — Он разлил вино по бокалам и поднял на меня глаза. — Итак, шелковая мантия. Ты созрела для нее, Фран?

— Пол, не начинай. Только не сейчас, — отмахнулась я, пытаясь свести допрос к шутке.

— А почему не сейчас? подача заявок начинается завтра, — сказал он, покосившись на Вивьен.

Чья-то широкая спина передо мной вздрогнула и повернулась.

— Полагаю, самое время присоединиться к вашей милой беседе, — прозвучал бархатный баритон.

— Привет, Том, — отозвалась я, поднимая глаза на своего коллегу и ровесника. Он был на несколько дюймов выше и оставался в прекрасной физической форме благодаря гребле и лодочным гонкам на Темзе. — А мне казалось, что Итон должен был научить тебя хорошим манерам, — подколола я его.

— Так и есть, но люблю подслушивать, таков уж мой грех. Особенно когда речь идет о столь интересных вещах, — ухмыльнулся он, доливая себе вина.

— Ну и? — сказал Пол. — Что думают по этому поводу самые выдающиеся представители младшего поколения в Бургесс-корте? Подавать или не подавать заявление на получение шелковой мантии...

— Что до меня, то я уже стою на низком старте. Как и ты, впрочем, Фран, верно?

— Это — не бег наперегонки, Том.

— Совсем наоборот, — без обиняков ответил он. — Помнишь наш первый день стажировки? Что ты тогда сказала? Невзирая на мои «так называемое высшее образование и поразительную самоуверенность», на пути к шелковой мантии ты обгонишь не только меня, но и весь наш выпуск.

— Должно быть, я ляпнула это, чтобы позлить тебя, — насмешливо отозвалась я.

— Нет, ты говорила совершенно серьезно.

Должна признаться, глядя на него, я удивлялась тому, что Том Брискоу до сих пор не стал королевским адвокатом.

Его репутация как барристера статусных жен в несчастливых браках росла не по дням, а по часам, и, пожалуй, не сыскать было такой жены, которая не хотела бы, чтобы он представлял ее интересы. Симпатичный и умный холостяк Том Брискоу. Он оказывал женщинам не просто юридическую помощь, он давал им надежду.

— Полагаю, Чарльз готов произнести небольшую речь, — сказал Том, кивая на нашего шефа, который постукивал ложечкой по своему винному бокалу. — Пожалуй, я займу место поближе.

Пол отошел в сторонку, чтобы ответить на звонок по телефону, и я осталась наедине с Вив.

— Знаешь, в чем заключается главная проблема Тома?

— У него в крови переизбыток тестостерона? — улыбнулась я, глядя, как он флиртует с одной из практиканток.

— По крайней мере, подумай об этом. — Вив заговорила уже серьезнее.

— Столько времени, усилий, денег придется потратить, чтобы подать заявление на получение шелковой мантии... И ради чего? Все равно две трети из нас будут отвергнуты.

— Я смотрю, ты хорошо подготовилась. — Вив положила руки на столик перед собой и с задумчивым видом стала потягивать вино. — Знаешь, Франсин, у меня есть теория насчет гендерной разницы в оплате труда.

— Это еще что такое?

— Женщины просто не умеют требовать.

Я лишь фыркнула в ответ.

— Но я вовсе не шучу. И я вижу, как это повторяется снова и снова. Мужчины верят в свою гениальность — реальную или мнимую. — Она немного помолчала, прежде чем продолжить: — Что тебя останавливает?

— Люди, подобные Тому.

— Ой, да не обращай ты на него внимания, — ответила она, выразительно закатывая глаза.

— Дело не в нем, а во всей системе, — негромко отозвалась я, озвучивая свой тайный страх, ту паранойю, которую испытывала с тех самых пор, когда меня впервые вызвали к барьеру, отделяющему адвокатов от подсудимых. — Ты же не станешь отрицать, что она отличается исключительным снобизмом.

— Времена меняются, — заявила Вив, утрируя произношение, поставленное в Челтенхемском женском колледже, отчего я сделала вывод, что она ничего не понимает.

— Сколько вообще королевских адвокатов обучались в государственных средних школах, Вив? Сколько женщин, северян, этнических меньшинств?.. Царят в нашей профессии исключительно белые мужчины, принадлежащие к верхушке среднего класса, такие как Том.

— А я думала, что ты отнесешься к этому как к очередному вызову, — заметила она, когда настойчивый стук металла по стеклу стал громче и разнесся по всему бару. — Тебе просто

нужно какое-нибудь большое дело, Фран. Прорыв, который привлечет к тебе внимание.

— Дело, которое изменит мою жизнь, — негромко согласилась я.

— Что-нибудь в этом роде, — одобрительно улынулась Вив, и мы обе повернулись, чтобы послушать Чарльза.

Глава вторая

В «Пере и парике» я задержалась, только чтобы выпить ровно один бокал, после чего потихоньку отправилась обратно в контору. Вернуться на работу я решила долгим путем, по лабиринту тихих переулков, чтобы без помехи выкурить сигаретку. Хотя не было еще и двух пополудни, день выглядел так, словно уже клонился к вечеру, и скелеты голых деревьев отпечатались на свинцовом небе, подобно наскальным рисункам, а темные тучи нависли над самыми крышами домов, погружая город в зимнее сумрачное уныние.

В Бургесс-корт я вернулась в самом начале пятого, как раз вовремя, чтобы успеть на встречу, назначенную на четыре с четвертью. Главным образом мы занимались семейным правом с небольшой долей насилия. Говоря «мы», я подразумеваю спаянный коллектив барристеров, деливших несколько соседних кабинетов в адвокатской конторе. Они напоминали мне барсуков, образ которых и символизирует это направление в юриспруденции: мудрые и трудолюбивые мужчины в длинных черных мантиях, белых париках из конского волоса и с европейской внешностью. Впрочем, в нашей конторе присутствует и некоторое разнообразие, благодаря которому они приняли в свой круг меня — северянку со шрамом в носу после пирсинга, да еще и выпускницу общеобразовательной средней школы.

Некоторое время я специализировалась в двух областях: брачно-семейные финансы и дела, связанные с детьми. Поначалу я думала, что последние окажутся чем-то вроде успешного крестового похода, но в реальности они обернулись невероятными сложностями и душераздирающими сценами. Так что теперь я предпочитала заниматься разводами состоятельных клиентов — по той исключительно мелкой причине, что подобная работа угнетала меня куда меньше и, вне зависимости от того, сколь долго тянулся процесс,

я знала, что клиентам хватит денег на мой гонорар. Возвращаясь домой, я не думала, что сделала мир чище и лучше, но знала, что хорошо выполняю свою работу, которая к тому же позволяла мне платить за жилье.

Дэвид Гилберт, инструктирующий солиситор, уже ждал меня в приемной. Одет он был как раз по нынешней холодной погоде, в теплое шерстяное пальто темно-синего цвета, хотя лысина его сверкала, подобно берфордскому куриному яйцу с темной скорлупой.

— Я только что виделся с Вивьен, — сообщил он, вставая, чтобы поцеловать меня в холодную щеку. — Насколько я понял, вы всей конторой прогулялись до паба, чтобы отметить день рождения одной моей знакомой, а ты мне даже слова не сказала.

— А что, тогда ты пришел бы с подарком? — лукаво осведомилась я.

— По крайней мере, я бы захватил с собой шампанское. Ладно, проехали. С днем рождения. Ты как?

— Стала старше. И мудрее.

— Мистер Джой присоединится к нам с минуты на минуту.

— Мне нужно на секунду заскочить наверх. Не хочешь войти? — предложила я, показывая на комнату для переговоров. — А Хелен приведет мистера Джоя, когда тот появится.

Я вскарабкалась по лестнице к себе в кабинет, крошечную каморку под самой стрехой. Размерами она чуть больше шкафа для метелок, зато мне не приходится делить ее с кем-то еще.

Собрав материалы дела, я схватила с подставки ручку и провела языком по зубам, жалея, что на столе у меня, как прежде, не лежит «Тик-так», с помощью которого можно избавиться от кислого привкуса алкоголя и запаха сигаретного дыма. Сойдя вниз, я обнаружила, что комната для переговоров номер два уже подготовлена, как у нас принято, для встречи с клиентами — посреди стола красовались поднос с бутербродами и блюдечко с печеньем «Марк энд Спенсер». Механический кофейник нажимного действия, с которым я никогда не могла справиться, ненадежно пристроили на краешке комода, стоявшего у двери, а рядом с ним расставили миниатюрные бутылочки минеральной воды «Эвиан».

Дэвид разговаривал по мобильному телефону. Подняв на меня глаза, он жестом показал, что закончит через минуту.

— Воды? — спросила я, кивая на наш банкетный сервис.

— Кофе, — одними губами прошептал он и показал на печенье.

Схватив чашку, я решительным шагом подошла к кофейнику и изо всех сил надавила на твердую крышку. Ничего не произошло, а потому я надавила еще раз, сильнее, и кофе пролился мне на тыльную сторону ладони.

Я поморщилась от боли: горячая жидкость обожгла мне кожу.

— С вами все в порядке?

Кто-то протянул мне салфетку, и я вытерла ею ноющую от боли руку.

— Ненавижу эти штуки, — проворчала я. — Надо было купить кофе-машину «Неспрессо», и дело с концом.

— Или обыкновенный чайник.

Подняв голову, я обнаружила, что меня пристально разглядывает какой-то мужчина в костюме, и на мгновение даже забыла о своей обожженной ладони.

Дэвид сложил свой телефон и повернулся к нам.

— Вы знакомы?

— Нет, — быстро ответила я.

— Мартин Джой — Франсин Дей. У нее сегодня день рождения. Быть может, нам стоит воткнуть по спичке в это изысканное печенье и спеть в ее честь заздравную песенку.

— С днем рождения, — сказал Мартин, по-прежнему не сводя с меня своих зеленых глаз. — Пожалуй, вам стоит сунуть руку под холодную воду.

— Все в порядке, — отозвалась я и отвернулась, чтобы выбросить салфетку в мусорное ведро.

Когда я вновь повернулась лицом к столу, оказалось, что Мартин уже наполнил две чашки кофе. Он устроился по другую сторону стола, прямо напротив меня, рядом с Дэвидом, что дало мне возможность рассмотреть его получше. Он не отличался таким уж высоким ростом, но своим присутствием, казалось, заполнял всю комнату — феномен, который я подмечала у многих очень успешных людей. Костюм у него был модный и отутюженный, а галстук завязан аккуратным виндзорским узлом. Выглядел он лет на сорок, хотя назвать его точный возраст я бы затруднилась. В его темных волосах не было и следа седины, хотя едва заметная щетина на подбородке отливала золотом в резком и сильном освещении комнаты для совещаний. Над болотно-зелеными глазами ровными

ниточками протянулись тонкие брови. Две морщинки на лбу придавали ему собранный и напряженный вид, и это предполагало, что вести с ним переговоры будет очень и очень непросто.

Отведя глаза, я постаралась собраться с мыслями. Оказалось, что я нервничаю, но так бывало со мной всегда, когда я в первый раз встречалась с очередным клиентом. При этом я вполне отдавала себе отчет в том, что стремлюсь угодить тем, кто платит мне гонорар, и что в общении с людьми, считавшими себя круче и умнее меня, я испытываю определенную неловкость.

— Полагаю, ты прочла материалы дела, — сказал Дэвид. — Мартин выступает в роли ответчика. Я рекомендовал ему тебя в качестве ведущего адвоката.

— Значит, это вы будете сражаться за меня в суде, — сказал Мартин, глядя прямо на меня.

— Уверена, что Дэвид объяснил вам: никто не хочет обращаться в суд, — ответила я и отпила глоток кофе.

— За исключением адвокатов, — не полез за словом в карман Мартин.

Я знала правила игры и оказывалась в подобном положении достаточно часто, чтобы не обижаться. Клиенты в делах о семейных спорах всегда раздражены и подавлены, даже — хотя правильнее будет сказать «особенно» — при общении со своими юридическими советниками, так что первые встречи нередко проходят в напряженной и неприязненной атмосфере. Я пожалела о том, что он сидит прямо напротив меня, — я ненавидела подобную конфигурацию, предпочитая напоминать людям, что все мы на одной стороне.

— Собственно говоря, я вхожу в организацию под названием «Урегулирование». Мы практикуем бесконфликтный подход к брачным спорам, по возможности избегаем слушаний в суде и продвигаем обоюдовыгодные юридические решения.

— Обоюдовыгодные юридические решения, — медленно повторил он.

Я подумала, не насмехается ли он надо мной, произнося заумные юридические формулировки. Но он, несомненно, оценивал меня. Женщину. Северянку. Не достигшую ранга королевского адвоката.

Подавшись вперед, он в упор взглянул на меня.

— Я не хочу создавать ненужные трудности, мисс Дей. Я — разумный человек; я желаю, чтобы процесс был настолько спра-

ведливым, насколько это возможно, но при этом я не могу умыть руки и позволить своей жене забрать все, что она пожелает.

— Боюсь, что определять «справедливость» данного процесса будете не вы и не миссис Джой, — осторожно заметила я. — Для этого у нас есть суды, судьи, прецедентное право... — Я решила сменить тактику. — Мы знаем ее исходную позицию? — Некоторые детали дела были мне уже известны; вчера вечером я провела два часа, разбираясь в них. Но всегда лучше услышать их из первых уст.

— Моя жена хочет получить половину всего: домов, денег, бизнеса... Плюс долю в будущих прибылях.

— Чем вы занимаетесь? — тут же осведомилась я.

— Я возглавляю арбитражный фонд конвертируемых ценных бумаг.

Я кивнула с умным видом, словно понимала, что это такое.

— Мы торгуем аномалиями рынка.

— То есть вы — биржевой спекулянт?

— Это называется «финансовые вложения».

— И это успешный бизнес?

— Да. Очень.

Я вдруг вспомнила Вивьен Мак-Кензи и ее слова. О мужчинах и их непробиваемой самоуверенности, которая заставляет их не сомневаться в том, что они — хозяева жизни.

— У нас всего тридцать сотрудников, но дело это крайне выгодное. Я организовал компанию вместе со своим партнером Алексом Коулом. Мне принадлежат шестьдесят процентов нашего предприятия, он владеет остальным. Акции нашего предприятия составляют мой основной актив. Но она предпочитает акциям ликвидную наличность.

— Когда вы открыли свое дело? — поинтересовалась я, записывая его объяснения.

— Пятнадцать лет назад.

— То есть до своей женитьбы, — пробормотала я. Согласно материалам дела, они были женаты одиннадцать лет.

— Пожалуй, нам лучше перейти к форме Е, — предложил Дэвид Гилберт.

Я кивнула, поскольку уже видела финансовые документы и самого Мартина, и его супруги. Его отчетность, например, ничем

не отличалась от дюжины других деклараций состоятельных людей, изучать которые мне довелось на протяжении последних лет. Разбросанная по миру собственность, автомобили, предметы искусства и счета в зарубежных банках.

Я стала просматривать отчетность, представленную его женой, ведя пальцем вниз по странице.

Донна Джой, особа тридцати четырех лет от роду, адрес в Челси, демонстрировала большие расходы и невысокий личный доход, что, впрочем, характерно для женщины в ее положении.

В документе было множество страниц, но я наметанным глазом выхватывала самые важные детали.

— «Ежегодные расходы на ленч: 24 тысячи фунтов», — проворботала я вслух.

— Она любит суши, — заметил Мартин.

Я подняла голову, и глаза наши встретились. Я подумала о том же.

— Она утверждает, что совершенно неспособна к трудовой деятельности. Умственная слабость, — отметила я.

В ответ Мартин лишь негромко фыркнул.

— Она когда-нибудь работала?

— Когда мы познакомились, она была управляющей магазина одежды, но уволилась сразу же после того, как мы поженились. Она заявила, что хочет заняться самообразованием, и потому мне пришлось оплатить множество курсов. Главным образом по искусству. Я открыл для нее студию. Она там работает, но в свете грядущего развода предпочитает не называть свои занятия работой.

— Она продает свои произведения?

— Изредка. Честно говоря, она занимается этим скорее ради собственного удовольствия, но ей это нравится. Ее картины достаточно хороши.

Лицо его смягчилось, и я обнаружила, что спрашиваю себя: а как же в действительности выглядит его жена? Теперь я могла с легкостью представить ее себе. Красивая, богемного вида... ухоженная, вне всякого сомнения.

У меня появилось такое чувство, будто я хорошо знаю ее, хотя мы никогда не встречались.

— И все остальное, что перечислено здесь... это все?

— Вы хотите спросить, не скрываю ли я что-нибудь?

— Я действительно должна знать обо всем. Пособия, счета в офшорной юрисдикции, участие в акционерном капитале, трасты. Нам не нужны никакие сюрпризы. Кроме того, она требует проведения судебно-бухгалтерской экспертизы вашей деятельности.

— Ну, и что вы об этом думаете? — поинтересовался наконец Мартин. Я отметила про себя, что его сорочка отличается прямо-таки снежной белизной.

— Ваша жена молода, но во время замужества она поддерживала очень высокий уровень жизни. Браки, подобные вашему, мы именуем браками средней продолжительности. Ее претензии выглядели бы основательнее, будь вы женаты, скажем, свыше пятнадцати лет, и напротив, представлялись бы весьма шаткими, если бы ваш союз продлился менее шести лет.

— Итак, мы находимся в серой зоне, которую так обожают законники.

— Денежное содержание менее обеспеченного супруга в этой стране довольно щедрое. Как правило, переговоры начинаются с требования равной доли. Но мы можем заявить, что в действительности она не способствовала повышению вашего общего благосостояния и что ваше предприятие не является имуществом, нажитым в браке. — Я вновь пробежала глазами дело, проверяя еще одно соображение. — Детей у вас нет. Для нас это хорошо.

Я вновь подняла на него глаза, сообразив, что не должна была говорить ничего подобного. Откуда мне знать, а вдруг их брак распался из-за невозможности создать полноценную семью? Это одна из тех вещей, в которых я никогда не могла быть уверена как адвокат по разводам. Я знала, что люди хотят развестись, и давала им советы, как добиться желаемого. Но при этом на вопрос «Почему они этого хотят?» ответа у меня не было никогда, если не считать расплывчатых обвинений в супружеской неверности или неадекватном поведении. В сущности, я не имела ни малейшего представления о том, почему люди, некогда искренне любившие друга, начинали с той же искренностью друг друга ненавидеть.

— Мы настроены на соглашение без ссор и скандалов, — заявил Дэвид.

— Полностью вас поддерживаю, — кивнула я.

— Как вы полагаете, на какой раздел имущества я могу реально рассчитывать?

Мне не хотелось называть конкретные цифры, но Мартин Джой был из тех клиентов, которые ожидают получить четкие ответы на свои вопросы.

— Мы начнем с разделения семьдесят на тридцать и отсюда будем танцевать.

Я отложила в сторону ручку, чувствуя себя уставшей и измотанной и жалея о том, что пригубила вино с содовой в обеденный перерыв.

Мартин покачал головой, глядя в стол перед собой. Я-то думала, он обрадуется тому, что мы сумеем избежать дележа активов пятьдесят на пятьдесят, но он выглядел потрясенным и подавленным.

— Что будет дальше?

— Первое распорядительное слушание состоится через десять дней.

— На нем будут приняты какие-либо решения?

В ходе всего нашего совещания он выглядел собранным, но теперь в его поведении начали проявляться первые признаки тревоги.

Я покачала головой.

— Название говорит само за себя. Боюсь, речь пойдет исключительно о предварительных процедурах.

— Отлично, — неуверенно проговорил он.

Снаружи уже стемнело. Он встал, собираясь уходить, и подпернул манжеты своей сорочки, чтобы те не выглядывали из рукавов пиджака. Сначала один, потом другой. После этого он взглянул на меня.

— Еще увидимся, мисс Дей. Я буду ждать новой встречи с вами.

Я протянула ему руку и, когда его пальцы сомкнулись вокруг моих, вдруг поняла, что тоже буду ждать возможности увидеться с ним снова.

Глава третья

Мне нравилось возвращаться домой на автобусе, но совсем не потому, что я страдала клаустрофобией и ненавидела метро. Автобус номер 19 шел из Блумсбери и довозил меня до Ислингтона. Откровенно говоря, это был не самый быстрый способ добираться до работы и обратно, но я неизменно предпочитала именно этот маршрут. Я любила прогуляться по Флит-стрит и Кингсуэй до автобусной остановки, чтобы проветрить мозги, проходить мимо красных телефонных будок у Олд-Бейли и церкви Святого Климента Датского,

особенно когда ее печальные колокола вызванивали старинную колыбельную «Апельсины и лимоны». Сев же в автобус, я принималась наслаждаться видами и звуками города. Впервые приехав в столицу, я могла целыми днями кататься на автобусе 19-го маршрута, прижавшись лицом к стеклу и глядя, как мимо проплывает город: Сэдлерс-Уэллс¹, перемигивающийся огоньками «Ритц», фешенебельные бутики на Слоун-стрит, а потом вниз по Чейнуок и мосту Баттерси-Бридж. Передо мной представала дистиллированная версия того, что мог предложить город, и все по цене единого проездного билета «Трэвелкард». Это был Лондон моей детской мечты.

Опустившись на сиденье и вытирая кончиками пальцев влагу со стекла, я мельком подумала, а не стоило ли мне приложить чуточку больше усилий и отпраздновать свой день рождения по-настоящему. Даже Дэвид Гилберт, трудоголик, какого свет не видывал, полагал, что я возьму выходной, чтобы погулять и повеселиться. Но я не видела причины нарушать свой еженедельный распорядок только из-за того, что стала на год старше. Одним из недостатков моей работы всегда была нехватка времени на личную жизнь. Вокруг Темпла имелось множество пабов, как и людей, с которыми можно пропустить стаканчик, но я всегда придерживалась той точки зрения, что, если хочешь сделать свою работу хорошо, ради нее приходится чем-то жертвовать.

Достав из сумочки мобильный телефон, я позвонила в китайский ресторан по соседству, торгующий едой на вынос. Поскольку сделать выбор между говядиной со свежим базиликом и курицей с соусом из желтых бобов я не смогла, то заказала и то, и другое, присокупив к ним клецки в тесте и рагу по-китайски. Какого черта? В конце концов, сегодня у меня день рождения.

Сделав заказ, я мысленно вернулась к своему разговору с Вив Мак-Кензи насчет подачи заявления на получение шелковой мантии, после чего спросила себя: что принесет мне, Франсин Дей, звание королевского адвоката?

Вообще-то, каких-либо значительных перемен в моей жизни за прошедшие пять лет не случилось. Я жила в той же самой квартире на неприятной окраине Ислингтона с тех самых пор, как мне исполнилось тридцать, и жизнь моя текла по размеренному

---

¹ Сэдлерс-Уэллс — театр оперы и балета в Лондоне.

распорядку. Я ходила в тренажерный зал два раза в неделю в одни и те же дни, а каждый август брала отпуск на десять дней, который проводила в Италии. Два скоротечных романа лишь усугубили мое долгое одиночество. С друзьями я виделась куда реже, чем должна была. Даже мелкие события в моей жизни происходили со знакомой регулярностью. По пути на работу я пила один и тот же кофе в «Старбаксе», а газету «Биг иссию» покупала у одного и того же румына, торгующего прессой у входа на станцию метро «Холлборн». Какая-то часть меня была вполне довольна этой привычной рутиной и не видела ровным счетом никакой необходимости менять сложившееся *положение вещей*.

Вглядываясь в капли воды на холодном стекле, я сообразила, что мы выехали на Сент-Пол-роуд. Отпихнув храпящего соседа, я выскочила из автобуса и остальной путь к своей квартире проделала по дороге, спускающейся в Дальстон.

Подойдя ближе, я увидела фару подъехавшего и остановившегося скутера службы доставки. Застонав от отчаяния, я бросилась бежать, но тротуар был мокрым. Поскользнувшись и едва устояв на ногах, я выругалась себе под нос и остановилась, роясь в сумочке в поисках кошелька. Билеты и обертки от конфет посыпались на землю, словно лепестки цветков, которые сдуло с дерева шальным порывом ветра. Наклонившись, я принялась подбирать разбросанные вещи, но скутер не стал меня дожидаться и вновь растворился в темноте.

Запахавшись, я добрела наконец до своей входной двери. В дверном проеме виднелась чья-то фигура, державшая в руках белый пакет с ручками, полный картонных упаковок.

— Ты должна мне двадцать три фунта, — сообщил мне сосед Пит Кэрролл, аспирант Имперского колледжа Лондона, проживавший в квартире подо мной последние полтора года.

— Ты дал ему на чай? — поморщилась я.

— Я — аспирант, — с деланным неодобрением возмутился он.

А я размышляла, бежать ли мне вслед за разносчиком еды. Я давно стала их постоянной клиенткой. Они бесплатно привозили мне крекеры с креветками, и мне очень не хотелось лишать их чаевых или давать повод думать, что у меня туго с деньгами.

— Я вызвала их всего каких-то пятнадцать минут назад. Обычно на доставку им требуется целая вечность.

Я протянула Питу двадцатифунтовую банкноту и добавила пятерку, после чего вошла в наше запущенное фойе, забрала свою почту и сунула ее в сумку.

— Заказывать еду вечером во вторник — это неприличная роскошь, — улыбнулся Пит, неловко складывая руки на груди.

— Сегодня у меня день рождения, — без всякой задней мысли отозвалась я.

— То-то я думаю: а что это подельывают разноцветные конверты среди прочей макулатуры? Значит, ты сегодня никуда не идешь?

— Сейчас — середина недели. У меня куча работы.

— Зануда.

— Мне надо готовиться к завтрашнему выступлению в суде.

— Скучная ты личность. Пожалуй, я все-таки выгоню тебя в паб.

— Нет, Пит. Я действительно занята. Работаю с пожирателем свиных клецок, — отшутилась я, показывая ему пакет с китайской едой. — Понимаю, со стороны этот способ отпраздновать собственный день рождения может показаться странным, но такое случается, когда тебе вот-вот стукнет сорок.

— Отказ не принимается, — с жаром заявил он, и я поняла, что так легко отделаться мне не удастся.

— Пожалуй, я купила слишком много китайской еды. С меня — рагу по-китайски, если ты обеспечишь выпивку. Но через час я должна сидеть за письменным столом.

— Я мигом, — во весь рот улыбнулся он.

Пит исчез в своей квартире на первом этаже, а я стала подниматься по лестнице к себе домой.

Оставив дверь приоткрытой, я повесила пальто на вешалку, а пакет опустила на пол. Скинув туфли, я с наслаждением зарылась пальцами ног в ковер и расстегнула верхнюю пуговку на блузке.

Моя квартира была моим убежищем. Прохладным, мирным раем, выкрашенным краской модной расцветки «Фэрроу энд Болл», и я моментально пожалела о том, что пригласила постороннего человека разделить его со мной.

Смирившись с тем, что гость у меня все-таки будет, я достала две тарелки из шкафа на кухне, и в это время в холле появился Пит с четырьмя банками светлого пива в упаковке.

— Дай мне бокал. Полагаю, что ты — не из тех девчонок, кто готов пить прямо из жестянки.

Он налил мне полный бокал пенного лагера, затем открыл еще одну банку для себя, а я принесла в гостиную китайскую еду.

— Значит, тебе уже почти сорок, — заявил он, усаживаясь на софу рядом со мной. — А по тебе и не скажешь.

— Мне — тридцать семь, — ответила я, только сейчас сообразив, как мало мы с Питом знаем друг о друге.

Хотя разговаривали мы чаще других соседей в Лондоне: встречались на автобусной остановке, а еще он охотно чинил ноутбуки и сгоревшие предохранители в электрическом щите. Как-то прошлым летом я шла мимо местного паба, а он пил пиво снаружи. Он пригласил меня составить ему компанию, и я согласилась, потому что тогда было душно и жарко и солнце пекло неимоверно, а после тренажерного зала мне ужасно хотелось пить. Но вот другом я его не считала.

— Кстати, вчера я получил письмо от домовладельца, — сообщил Пит, снимая фольгу с коробки китайского рагу. — Он поднимает арендную плату, потому что крыша якобы нуждается в ремонте. Решил, что оба нанимателя должны внести пятнадцать штук в амортизационный фонд.

— Проклятье, я еще ничего не слышала об этом.

— Но пятнадцать штук — это дневной заработок знаменитой леди-барристера, — улыбнулся он.

— Если бы.

— Перестань, ты купаешься в деньгах.

— Ничего подобного, честное слово, — отозвалась я, качая головой. — Я — барристер на подработке по мелочам и сию по уши в долгах, если учитывать тысячи фунтов неоплаченных счетов.

— Тебе заплатят. Банки знают, что с тобой можно иметь дело. И тогда ты станешь богатой.

«Ага, как же», — фыркнула я про себя. Моя семья тоже считала меня богачкой, но ведь все относительно, а в Лондоне, общаясь с адвокатами и бизнесменами, подобными Мартину Джою, мне было легче взглянуть на свое финансовое положение под другим углом. Быть может, если я заполучу-таки шелковую мантию, то положение дел действительно изменится. Я буду вести крупные, вкусные дела, моя почасовая ставка удвоится, так что когда-нибудь, не исключено, я смогу позволить себе один из особняков георгианской эпохи в Кэнонбери — тех самых, что

изначально и побудили меня поселиться в районе N1. Я по-прежнему любила ходить мимо и мечтать о них.

Но тут я вспомнила о том, что мне предстоит где-то достать пятнадцать тысяч фунтов, и отпила большой глоток пива, чтобы успокоиться, хотя и знала, что делать этого не следует.

— Знаешь, сегодня я общалась с одним человеком, который тратит на ленч двадцать четыре тысячи фунтов в год, — сказала я, обмакивая клецку в соевый соус.

Пит покачал головой.

— И из-за таких вот людей ты даже не можешь по-человечески отметить свой день рождения.

Он рассмеялся, а я сказала себе, что в чем-то он, несомненно, прав.

— В этом конкретном разводе я представляю интересы мужа. Но тебе будет приятно узнать, что завтрашнее дело, то самое, к которому я должна готовиться, представляется мне куда более достойным.

— Очередной богатенький муж, которого хотят поиметь, — улыбнулся он.

— Ничуть не бывало. Мой клиент — мужчина, которого хотят лишить возможности видеться со своими детьми. Самый обычный малый, который застал свою жену в постели с другим мужчиной.

— Эх, люди, — негромко проронил Пит.

Я кивнула.

— Держу пари, что ты безмерно рад тому, что тебе приходится иметь дело исключительно с компьютерами. У них, по крайней мере, нет чувств.

— Как посмотреть.

— То есть?

— Если ты придерживаешься определенной точки зрения на то, как наш мозг порождает сознание, ты никогда не поверишь в возможность существования разумных компьютеров. Тем не менее разработчики искусственного интеллекта не сомневаются, что недалек тот день, когда компьютеры смогут имитировать человека.

— Какой ужас! Ведь тогда мы станем лишними и ненужными, не так ли?

— Некоторые виды занятости не потеряют актуальности никогда.

— Адвокаты по разводам, ты имеешь в виду?

— Машины оперируют логикой. А в любви и взаимоотношениях ей места нет. Я бы сказал, что в обозримом будущем с тобой все будет в порядке.

— Рада слышать, особенно учитывая то, что надо платить за новую крышу.

Воцарилось долгое молчание. Мы съели все китайские блюда и исчерпали темы для разговора.

— Ну, что ж, пора приниматься за работу.

Переложив объедки на одну тарелку, я понесла их на кухню. Обернувшись, я вдруг заметила, что в дверях стоит Пит. Шагнув ко мне, он взял меня рукой за подбородок. Я изумленно ахнула, не успев даже подумать о том, с чего это он решил, будто я умираю от желания, а он уже впился мне в губы поцелуем. От него пахло пивом и желтыми бобами. Его слюни размазались у меня по щеке.

— Пит, ты мой друг. И ты пьян, — сказала я, отталкивая его.

— Иногда бывает просто необходимо напиться, — ответил он.

Я попятилась от него. Впрочем, нельзя сказать, что его поведение стало для меня полной неожиданностью. Завидев, как он поджидает меня с заказом из китайского ресторана, я должна была насторожиться.

— Все дело в разнице в возрасте, не так ли? — Я уловила нотки досады в его голосе. Мужчины и их пресловутая самоуверенность. — Будь я тридцатисемилетним мужчиной, а ты — моей ровесницей, никто бы и ухом не повел.

Я чувствовала себя виноватой и жестокой. Ведь у него не было причин полагать, что я оттолкну его. В конце концов, это я пригласила его к себе, в свою квартиру, на ужин в честь собственного дня рождения.

— Мне очень жаль, — негромко проговорила я. — Я знаю, что веду себя, как жалкая старая дева, но мне это нравится.

— В самом деле? — с вызовом осведомился он.

— Я работаю по одиннадцать часов в день, Пит, потом прихожу домой и снова начинаю работать. Места для чего-либо иного попросту не остается.

— Перестань во всем винить свою работу.

Было время, когда я не обратила бы внимания на то, что Пит не в моем вкусе, и мы оказались бы в одной постели в моей спальне, но сегодня вечером я всего лишь хотела, чтобы он ушел.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — ровным тоном произнес он. Я кивнула, и он вышел, не сказав ни слова. Закрыв за ним дверь, я подалась вперед, уперлась в нее лбом и шумно выдохнула.

— С днем рождения, — прошептала я, отчаянно желая, чтобы этот день закончился.

Глава четвертая

Стало невозможно и дальше игнорировать тот факт, что мне срочно нужна новая сумка. За последнюю неделю прореха в моем надежном и проверенном «Самсонайте» лишь увеличилась в размерах. Работы было столько, что голова шла кругом, новые дела и инструкции валились на меня со всех сторон после недель спячки, и мне приходилось таскать в суд, домой или в адвокатскую контору многочисленные папки, а это означало, что от катастрофы меня отделяет один яростный рывок «молнии».

Меня воспитывали в правилах экономной бережливости, и в глубине души я полагала, что достаточно просто зашить дыру. Но я понятия не имела, кто в наши дни занимается ремонтом сумок — сапожники? Портные? Похоже, что в нашем обществе потребления у меня оставался только один выход — купить новую.

Бросив взгляд на часы, я отметила, что еще нет и семи. В Бургесс-корте хорошо посещать пабы, а вот с шопингом для снятия стресса дела обстоят далеко не блестяще. Но я прикинула, что, взяв такси, смогу быть на Оксфорд-стрит уже через четверть часа, а в семь тридцать уехать оттуда и вернуться домой как раз к скандинавской криминальной драме, показ которой начинался на этой неделе по кабельному каналу.

— Ты домой?

В дверях моего кабинета с кучей папок под мышкой стоял Пол.

— Через минуту, — отозвалась я, роясь в выдвигном ящике стола.

— Могу подкинуть тебе на завтра кое-что, если есть желание.

Я прекрасно знала, что должна отклонить предложение, но умение отказаться от работы никогда не числилось среди моих достоинств.

— Что там такое?

— Отмена постановления об аресте имущества. Встреча назначена на девять тридцать.

Я заколебалась; единственная причина, по которой я сумела выкроить себе свободный вечер перед телевизором, заключалась в том, что завтрашний день у меня планировался не слишком загруженным.

— Я могу отфутболить его Мари или Тиму, — предложил он.

— Давай его сюда, — вздохнула я. — В этом случае тебе не придется торчать здесь, дожидаясь курьера.

Пол взглянул на меня, и на губах его заиграла улыбка.

— Знаешь, иногда так приятно отдохнуть вечерком.

— Выплюю на том свете, — парировала я. Не найдя в ящике стола то, что искала, я подняла на него глаза. — Полагаю, лишнего пакета с ручками у тебя не найдется? Моя сумка вот-вот развалится на ходу, и я боюсь, что до дома она не доживет.

— Не сомневаюсь, что для такой утонченной особы, как ты, мы подберем что-нибудь получше бумажного пакета с ручками, — рассмеялся он и исчез внизу, чтобы вернуться через пару минут с большой матерчатой хозяйственной сумкой, на которой красовалась фирменная надпись «Бургесс-корт».

— А это еще что такое?

— Маркетинг. Кстати, я сунул в нее форму для подачи заявления на получение звания королевского адвоката.

— Ты прямо завзятый интриган.

Выйдя из конторы, я быстрым шагом двинулась через Миддл-Темпл, мимо нашего роскошного здания в елизаветинском стиле и фонтана, выстреливающего серебристые водяные струи в ночное небо. После захода солнца атмосфера здесь становилась сверхъестественной и немного пугающей; газовые фонари только-только зажглись; клуатры отбрасывали тени на площадь, а эхо собственных шагов по брусчатке заставляло подозревать, что я тут не одна. Я чуть ли не бегом устремилась вниз по узкой и темной улочке Деверо-корт, одной из многих, выходящих прямо на Стрэнд, и в этот момент пошел дождь. Шальной таксист заметил мою вытянутую руку, и я запрыгнула в машину еще до того, как небеса разверзлись вселенским потопом. Водитель поинтересовался у меня, куда ехать, и я назвала ему первый попавшийся универмаг, который сумела вспомнить, — «Селфриджем».

Я не люблю ходить по магазинам. Этот ген отсутствует в моих хромосомах, и не думаю, что причиной тому стали бесплатные школьные обеды, которыми я в свое время довольствовалась. Я вспомнила одну свою клиентку, русскую модель, которая призналась мне, что раньше она подбирала гнилые фрукты и овощи на базарах и несла их домой, чтобы накормить свою семью, а потом без запинки добавила, что требует содержания в миллион фунтов в год от своего супруга, владельца многочисленных объектов недвижимости, с которым разводилась. Так что, познав бедность в детстве и юности, вы бросаетесь из одной крайности в другую.

Такси высадило меня на Кумберленд-стрит. Дождь лил как из ведра, и тротуары выглядели черными и маслянистыми. Проклиная погоду, я вбежала в магазин.

С первого же взгляда я поняла, что оказалась не в то время и не в том месте. Я очень редко бывала в «Селфриджесе» и успела позабыть, насколько это дорогое заведение. По всему периметру внешней стены протянулись бутики: «Шанель», «Гуччи», «Диор», — и каждый сверкал и переливался, подобно шкатулке с драгоценностями, гламурный и лощеный. Я предпочитала магазины в Сити, где властвовал порядок и было куда меньше мишурного блеска, особенно для таких людей, как я, которые всегда торопятся. Но в Вест-Энде, в Найтсбридже магазины похожи на пещеры Аладдина, полные искушений для туристов и статусных жен. Целые лабиринты розничной торговли, предназначенные для того, чтобы вы потеряли счет времени, заблудились и тратили, тратили и тратили, в то время как мне нужно было всего лишь купить сумку и отправиться домой.

Сделав глубокий вдох, я решила, что за показ денег не берут и что от меня не убудет, если я просто посмотрю на вещи, тем более что моя сумка, мой образ — это моя же визитная карточка. И тут мое внимание привлек чудесный портфель, размещенный на нижнем обрезе витрины. Он был меньше того дипломата, который я таскала с собой на протяжении последних пяти лет, а черная кожа, из которой он был изготовлен, казалась мягкой и маслянистой на ощупь. Взяв его в руки и высматривая ценник, я вдруг поняла, что он как нельзя лучше подойдет для королевского адвоката.

— Так я и знал, что это вы, — раздался у меня за спиной чей-то голос.

Літературно-художнє видання

Дж. Л. Батлер

Володіння

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колобакина*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 21.09.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Дж. Л. Батлер

Обладание

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 21.09.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4ц000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Адвокату Франсін Дей і на думку не спадало, що вона закохається у свого клієнта. Мартін звернувся до неї з метою максимально вигідно розлучитися з дружиною Донною. Ця справа переростає в роман. Але одного дня Франсін бачить, як Мартін мило вечеряє з Донною в ресторані... Наступного ранку Франсін прокидається у квартирі сусіда Піта, у закривавленому одязі. Вона нічого не пам'ятає про минулу ніч! І тут з'ясовується, що Донна зникла безвісти. Тоді до гри вступає Піт... Він погрожує розповісти поліції подробиці тієї дивної ночі. Чи вистачить сил Франсін, щоб вибратися з цього лабіринту брехні?

Батлер Дж. Л.

Б28 Обладание : роман / Дж. Л. Батлер ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 384 с.

ISBN 978-617-12-5780-1

ISBN 978-0-00-826241-9 (англ.)

Адвокат Франсин Дей и подумать не могла, что влюбится в собственного клиента. Мартин обратился к ней с целью максимально выгодно развестись с женой Донной. Бракоразводное дело перерастает в роман. Но однажды Франсин видит, как Мартин мило ужинает с Донной в ресторане... На следующее утро Франсин просыпается в квартире соседа Пита, в одежде, перепачканной кровью. Она ничего не помнит о прошедшей ночи! И тут выясняется, что Донна пропала без вести. Тогда в игру вступает Пит... Он угрожает рассказать полиции подробности той странной ночи. Хватит ли сил Франсин, чтобы выбраться из этого лабиринта лжи?

УДК 821.111